

EDWARD CROWFFORD

Elizabeth Drakeford

Edward Crowford
Elizabeth Drakeford

«Издательские решения»

Crowfford E.

Elizabeth Drakeford / E. Crowfford — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501228-9

«Элизабет Дрейкфорд» — готическое творение молодого русскоязычного писателя из Копенгагена, чьими соблазнами стала изящная форма изложения, что является силуэтностью глубоко пронизывающего произведения. В основу книги вложены страдания миловидного живописца: ибо то, что человек чувствует, преобразуется в очертаниях, в надежде отыскать вечность, шепотом сыскав одиночество. Мелодраматическое произведение о трагической судьбе, высеченной истекающими потоками воспоминаний...

ISBN 978-5-00-501228-9

© Crowfford E.
© Издательские решения

Содержание

I	7
II	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Elizabeth Drakeford

Edward Crowfford

© Edward Crowfford, 2019

ISBN 978-5-0050-1228-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Praefatio*

In the graves of the sad, the Ghost of the wind-melodic sadness. In the anguish of a tormented soul lost in tears, the depths of eternal love die.*

Я, Томас Рэдклифф, хочу поведать вам дорогой читатель, о воспоминаниях мрачной судьбы, ломтиками смерти покрывшую тень алтаря, где лежало мой сгорбленное тело от промежутков сострадания, в одиноких рассуждения, ибо имя мне – Человек, вечно тщеславен мой дар, опустошать мирскую веру, надменно скрывая фундаментальную оболочку сих послушников в объятых Сфинкса, вскружив цветную палитру облаков, в единое целое, предаваясь безликим теням – одиночеству.

Ничтожные капли слёз орошают бескровные попытки узреть серебряные урны, наполненные мрачными сказаниями о былой любви. Порой, мучившие меня терзаниями проведенных лет в искуплении грехов, падающих с небес белоснежных ангелов, чернеющих от прикосновения с человеческими образами, ибо лишь человек – грехопадение воли самоистязающегося лжеца, в котором заложено искушение ниже самой смерти, по немощи всемогущие страдания отсекают, обрывают крылья божественным созданиям, обжигая ангельскую плоть пламенными огнями семи грехов. Сие деяния, обгораемое божественной пылкостью, вновь и вновь освещая людские намерения во мраке заблудшего, Священного Писания, ибо человек самое высшее из ошибочных суждений, творца, неземных частиц, что в потоках эволюции самоутопает в самоутешениях, собственного, настоящего лица, ибо никогда, человек заживо померкший от лоскутов действительного – его не имеющий!

Я помышлял о самоубийстве, утоплении, душении, но четные попытки покончить с обезумевшими воспоминаниями, рвущимися из-под омертвленного тела моей молодой жены, что, скончавшись в надежде узреть храмы господа, в юном возрасте отдав душевную боль на смертном одре. Так же я помышлял о расправе над своими бренным телом, сущими ломтиками истязаний робеющих рук, что оледенели, обжигаясь о небесные черты, покорившего меня силуэта в дивных снах, далее подлинных мгновений сладострастия.

«О, Дьявольский закат моих страданий, прошу меня простить. Прошу о вечность, узри мои мольбы, засим быть желаю я прощеным, в надежде успеть, пока рука ещё может чувствовать источник сил проклятого рока, изнывая от тяжести мучительной боли, истерзанных мгновений. О, Ангельский луч света, зовущий меня во тьму погребений ночи, ибо, соизволив простить, Господь лакомиться тенью обугленного призрака, низвергнутого на смертном одре, и не ангелом заложена воля сих тайн, понеже смерти, проникающая могучими крылами во всё сущее, ниже самой смерти, соблаговолив низвергнуть чертоги разумного, скрыв бдительный блеск чистосердечного Люцифера»

Пусть небеса разгневаются грозными стенаниями, и дождь омоет моё мертвое тело, но до сих пор жуткое недомогание преследует меня, вновь и вновь сводя с ума от отчаянных криков госпожи Элизабет.

Я окончил писать в тот момент, когда божественный образ явился в усыпальницу, и овладевал чистотой грязных помыслов, предаваясь порокам грехопадения; мертвая тишина воцарилась вечностью, околдовав ничтожные помыслы о двуличии, мольбами безбожного раба сновидений, искушающего с тех самых времен, когда обличие обидчицы растворилось в небесном чертоге у врат рая, низвергнув меня наслаждаться вечностью во мраке искушающего забвения.

О, небесный омрачитель, если дух твоей скорбящей силы настолько велик, насколько велика мелодраматическая драпировка призрачных воспоминаний, то снизойди до великомученика скорби, пожелавшего узреть земной благ – девственную душу, ведь скромность отнимает не только чувство жизни, она отнимает, буквально, многогранные силуэты романического пребывания на белом свете, ускользающими оттенками льстецов, замурованном в безликом отражении живописной гравировки иконописцев.

За французским окном английский дождь. И неужели можно продолжать любить того, кто омертвел на твоих руках холодной январской ночью, когда зацвели черные орхидеи и багровые розы. Её самые любимые цветы!

Этот мир и есть кормилец всего того, что мы знаем,
Этот мир породил все то, что чувствуем мы,
И пред смертью от ужаса мы замираем,
Если нервы – не сталь, мы пугаемся тьмы,
Смертной тьмы, где – как сон, как мгновенная тайна,
Все, что знали мы здесь, что любили случайно.

I

О, если бы эти губы говорили, что они поведали б мне?

Миссис Рэдклифф.

Кто в мыслях готов совершить преступление, тот может быть, даже преступнее того, кто совершил его.

Пьер Буаст.

Новое веяние неоклассицизма в Европе с необычайной скоростью добралось до мрачного Лондона, где многие аристократы устали от послевкусия ренессанса, обольстительно, об любовавшись французской живучестью, хаотично-цветущей гаммой поэтической природы, предпочтя что-то более одухотворяющие, романтическое, нежели, чем классическое виденье символичности, в тонкостях искусства, оставив готические тона в приятном блаженстве.

Тем не менее, барокко сменил ветхие угасающие проблемы ренессанса «на возвышенность элегантных фигур, вознесшихся над Олимпом», привнеся новые формы, экстраординарной палитре, эстетическому мистицизму и консервативной экспрессии. Что послужило многим европейцам-аристократам взглянуть на роскошь, через поэтические идеалы, заостряя внимание на хрустально-серебряную посуду, и золотые слитки украшающие позолоченные светильники, флагманской работы. Однако столь роскошно-меблированные фешенебельные дома, крайне редко обольщают изысками владельцев: Богато-украшенные анфилады, колонны, арки, наделяли барокко веянием нового времени, придав классическому оттенку западноевропейской культуры, цветущую палитру французской утонченности: тяжелая мебель, огромные шкафы, изящно-отгравированные лестницы, вкусы беспробудного излишества: картины с резкими овальными формами, с золотыми оправками, вырезанные рамы из карликовых деревьев, многие подчеркнутые контуры эпохи Стюардов, когда роскошь была, вне всяких сомнений, соблазном для аристократии, стремившийся выделяться не только богатейшими одеждами, но и новыми веяниями моды.

Сладострастие влюбленности, нежными крыльями витали над старинными картинами, фресками затем, чтобы показать не с чем не сравнимое состояние фешенебельного дома- невероятные богатства, описанные в приключенческих романах, сравнить можно лишь с изысканностью полуночного, призрачного звучания, как будто мраморные красоты мира искушено нашёптывали владельцам чувство прекрасного, более возвышенного о многоликих силуэтах, не от мира сего, странствующих по неизведанным просторам призрачного сладкоголосья луны, ласкающим голосом, завораживая белоснежный мрамор художественными образами малораспространенного антиквара.

Работы архитектора Роберта Адама, жившего в 18 веке, ценились тем, что вкус, который автор вложил в работы вдохновляет, «-я льщу себе, говорил он, – льщу мыслью о том, что искусство в Англии и во всей Британии, принимает новый облик, начинает наиболее функционировать, вдохновлять людей, завораживать, прельщать к искусству, обвораживать и искушать....» И действительно, как можно не влюбиться в совершенство, если оно наделено богатыми античными оттенками и блеском роскоши, что выгравировано творцом нового дуновения Английской комильфотности. Британской вечности, что возвышается над новым веянием мышления и виденьем шотландского зодчего, искусителя Демиурга. В определенной

мере, изменившего подход к консервативному мышлению. Показавшего наружный блеск неоклассицизма. И охарактеризовавшего вкус повседневной моды, что так ценилось по всей Европе, заключая в себе неоклассические стандарты извечной красоты, в бесконечном творение, виртуозно узрев бесконечное. Ибо великие здания, как и высокие горы – создание веков, в застывшей мелодии бессмертности.

«-Она приучила меня чувствовать и видеть красоту в мелочах! – говорил Джон Рэдфорд, основоположник Британской хроники аристократии. – Всмотритесь в многообразии эпох: художников и архитекторов. А кто, как не она, способна обычным взглядом – стать ценителем благородного искусства, божественной архитектуры, и безусловно невообразимого дизайна, интерьера.» *«Искусство – это самородок»*, – высказался когда-то один, французский художник к самобытности которого можно добавить, что художественность, заложенная над готическими тонкостями, она искушает холодными оттенками печали, тая на ладонях смерти, словно ледяные архипелаги скользят по трафарету нежной картины, сотканной из переплетений лоскутного неба, кладбищенской тишиной, о которой может мечтать лишь истинный гений, всматриваясь в искусство, изящностью фигурального мрамора.

Прошу меня простить, дорогая публика, за столь щепетильную форму описания, передающую всю боль пустого мира чрез призрачные лоскуты смерти, но должен вам признаться, что именно на Лондонской выставке, я по крайне непредсказуемому образу описал ту невообразимую картину, которую вы любезно можете анализировать по описаниям в этом романе, если соизволит ваша душа. Спустя некоторое время, по призрачному силуэту, которые явился ко мне во сневидении, мучившее меня до самой гибели. Я был настолько удручен, что сон окончился, поэтому запечатлел потерянную красоту на мольберте. И о чудо, божественному расцвету, влюбился в цвет и нежность, красоту и женственность, что сияло в этой красавице. После завтрака поехал в Манчестер, где проходила выставка художника, о котором мне было много всего представлено. Его полотна были изящны, как и сам натюрмортист располагали к себе с первого взгляда, что порой, крайне необходимо в таких случаях. Живописец был низкого роста, худощавый, каштановые волосы, и зеленые, как изумрудный кристалл глаза. Мне доводилось раньше ловить взгляд особ, у которых манерная жестикуляция и добродушный характер всматриваются в мир холодного оттенка прекрасного и невообразимого пейзажа души, что извергает необыкновенный талант, которым владеет этот молодой человек. Мы познакомились с художником перед открытием его первой выставки. Он любезно показал все картины и фрески, что были нарисованы его умелыми и прекрасными руками, переливающимися молодостью бурлящих красок молодого, но талантливого живописца, с небесными, добросердечными помыслами, о воздыхании вечной любви, откровенности и чистоты внутреннего мира.

– Сэр Томас, я очень почтен вашим присутствием. Это огромная честь для меня, – вежливым тоном проговорил художник.

– Скажите, любезный друг, как вам удалось за столь юную часть жизни написать столько обворожительных и особенных картин. Ни говоря уже о фресках, что не часто встретишь у талантливых мастеров кисти ни только в Европе, но и прогрессирующей Америке. Вы ведь занимаетесь маньеризмом, пишете натюрморты, так же интересуетесь авангардизмом, и все довольно в раннем возрасте, молодой человек. Я ни к коем случае не льщу вам, – продолжил я. – как могли вы прекрасно заметить, оцениваю чистоту тонкости кисти, с намерением вкусить неотразимый образ, прельщающий мой несказанно дивный взгляд на поэтичность в ласкающих

взорах картин. С целью проникнуть в глубины безудержного чувства душевных ощущений, что так тревожит вас, пронизывая до

холодных останков человеческого существа.

– Исключительно, сэр, простота – высшая форма сложности – ответил он, посмотрев на меня ласковым взглядом человека во цвете его лет. – Воображение – игра теней, на блеклом фоне изощрений. Сокровищница сохранившая оттепнок памяти в недрах глубокомыслия, – проговорил тихим, сладкозвучным голосом живописец. – «Художник – это первородный источник, вдохновляющийся глубинной эстетикой нравочений, что сокрыты с рождения, ведущие его до самой схватки со смертью». – Полотна, рассказывают проникновенные, душераздирающие противоречия, таившиеся внутри опаленной души, чувствуя опасность, затаившуюся во мраке, взволнованные жесты тонких рук – это вечная борьба внутреннего мира, сплетающая тень абсолютной погруженности в процессы дуновения, что потоками бросают в дрожь, леденя кровь о мрачность, спрятанную в глубинах души. – проговорил он. – Художник – вечный призрак сознания, увлеченный бальзамами, и всё то, что он беззаветно описывает – это облик собственной омраченности потускневшего мира, с чарующими ароматами неизбежной смерти.

– После таких слов, мой друг, вы достойны невероятных похвал. Ваши картины наполнены извечной борьбой влюбленного во смертный идеал, пронизательным взором, точно уловив истинные побуждения к честолюбию великого ума, что стремится познать идеальность в бесконечных пороках надменности, вовлекая себя в лоскуты околдовавшего искусства. Искушая себя, вы взмахом кисти окрыляете мрачные созвездия, что таятся от многоголосых людей, иронизируя над пропастью канувших эпох, что стало безликими оттенками густого олицетворения повседневности. Ибо если вашему взору, когда-нибудь сойти с мирозерцания, то брэнность умертвив ваш идеал, сломав крылья огнецветному ангелу.

И можете ли себе представить: в большом зале, где было достаточно много людей, я увидел ту, о которой невозможно говорить без слёз. Теперь, когда время не властно надо мной, и раны измученных страстей, багряными призраками покрыли ветхие дни от прикоснувшихся слёз к лику мертвенно-бледневшей нежности, безмятежно опечаленных надежд, ломтиками смерти, дарующие мне одиночные помыслы о влекущей страсти над ликами чарующей души.

Очередной литературный критик издательства французской газеты «Le Figaro», высмеял своей на тот момент далеко нестойкой критикой моего очень дорогого друга – писателя Себастьяна Роуза, о чём бурно пестрило общество, вовлеченное в скупые формы литературной безмерности, отталкивая классическую форму английского языка. Их вражда, ни побоюсь этого слова, зашла так далеко, что порой Роуз, так ущемлял сатирой и скандалами в своих пьесах всю богему французского бомонда, что светская сторона Парижа зло отреагировала на литературный юмор – не поверила английскому, нищему писателю, ни приняла его под покровительство, ни оценила потрясающий талант, из ряда вон высмеяв в очередной раз напыщенность и алчность английского снобизма, неким локальным абсурдом, что привело юного писателя шепотом бормотать о скрижальной судьбе англичан.

Прошу вас, любезный читатель, не слишком-то углубляться в эти самые подробности, так как литературная метафора – это приуменьшение тех или иных действий, связанных с возвышенными помыслами и доброжелательными чувствами, трогающих за душу, искренних писателей. Напротив, постарайтесь быть скромнее, на фоне тех, кто очень часто делает поспешные выводы, что приводит к сожалению, и состраданию, обжигая кровь реквием надежд. Многие города

Европы, Азии и Америки – богатство различных взглядов, скульптура. Разные образы: лики в глубинах человеческого воображения, нечто, изменившее нашу жизнь, похоронив замкнутость эстетикой, застывший гротеск, отпечатался во многих творениях мира сего. Что поневоле отражается на благосостояние взглядов эстетических норм, за зеркальными притоками которых мы привыкли оставаться в полноте своих неведений, что приводит к аморальному состоянию каменных статуй на вершинах холмов, словно застывшие творцы искавшие совершенства, так и не найдя его в себе, в своих мыслях, поступках, воображая, что совершенство можно искать вечно, покоряясь существованию. «– Томас, друг мой, я обрела то что искала», – писала она. – *Et pas seulement Londres et Paris sont récompensés par la folie**. Обмакивая слезами чернила, привезенные из Аргентины, мне в Англию. Подле того, как однажды она на балу у Французского герцога Француа де Ла-Рошелле, владельца целого материка в южной части Америке, обмолвилась, что её друг, сэр Томас Рэдклифф, достопочтенный джентльмен, проживающий в Лондоне, прекрасный ценитель ни только вина, но и хорошего табака, крайне заинтересован в том, чтобы приобрести флакон аргентинских чернил и золотистый наконечник, только что отточенного пера из слоновой кости в Англию, что непременно будет дорогим подарком. Художник с прекрасными манерами, утонченным лицом и изящным взмахом тонких кистей рук, любимец многоуважаемой публики, самокритичен и ироничен, человек, дышащий ароматом роз и морским воздухом по утрам, вечерними звёздами в полночь. Любитель променада по тихим улицам Лондона; в двенадцать часов, когда сумерки покрывают вселенную, наполняя душу свежестью, он ощущает тени мерцающих звёзд: романтическая вульгарность, наполняется рукописными, алыми комплиментами, усыпанными упоительными ласками – близостью любви, укрывая нежную ночь, роскошными объятиями нежной страсти. По мимо этих писем, вы найдете портрет, который был написан французом Шарлем Ленуаром, после смерти моего покойного брата Георга Флорелли, приблизительно в 1895, после чего моя мать ни раз проговаривала о неуспокоенных душах, тревоживших её рассудок. Когда после выпитого вина он с полным обожанием и бесконечной любовью ко мне сделал нашей семье необыкновенный подарок, к моему скорому отъезду, в Америку. Путешествию тогда послужило то, что в 1892 году сэр Людовик Марлен выходец из Манчестера приобрёл значительную площадь земли и пригласил меня отведать вкуснейшего вина из погреба, в котором хранились запасы, привезённые из Франции и Италии. С большим удовольствием приняла его предложение, ибо роскошь чрезмерно кружит голову. Мне удалось попробовать вино из самой Венеции, привезенного Рафаэлем Пеллегрини, нашего общего знакомого. Тонкий, сладкий вкус багряного напитка, исцелил мою душу в момент, когда нужно было возвращаться к вам. Назад в холодный и дождливый Лондон, – рассказывала в письмах она. И я чувствовал, что манящая тонкость француженки все-таки берёт своё. Я обрела покой, который так нужен. Тишину и уединение, в тени мрачного города ведь вопреки многообразию Английской серости иногда так хочется уйти к свету, выходя из темноты. Чтобы почувствовать присутствие надежды, закрывая глаза в полном покое, окунувшись в душу, переполненную отчаянием, что часто тревожат мрак внутри меня.

– Дорогой мой Томас, я безумно зла на себя из-за того, что вы так мало знали обо мне, но влюбились, испытываете неземные чувства, наивной любовью – собственной молодостью, привлекательностью, великолепием, обладающим лишь поэтическим сердцем, и тонкостью бальзамного архаизма: английской, романтической поэзией. Порой человека с английским темпераментом, куда сложнее полюбить, чем

вас, ведь вы пунктуален, свободолюбив, красноречив, безумно самокритичен, и я заметила со временем, вы стали педантично подходить к домашним делам и помогать моей милой племяннице с ее испанским, ни таким уже и безобразным с вашей любезной помощью. Мне льстит ваша манера выходить из темного угла, ровно так, как это происходит в тем самых случаях, когда змеиные тропы обрушиваются подле ваших ног, причём, могу заметить, что зланный угол, или вернее всего, уместно здесь привести в пример «закоулок», не всегда может быть интерпретирован и сложен в той ситуации, где влюбленность является основой миража, но ваша умеренность, познающаяся в мужчине, со временем, даёт мне право так выразиться, даёт мне увидеть в вас искренность иронию и нежность, которую вы чаще всего пытаетесь скрыть за масками лживых любовников.

Француженка, наделенная богом, разве что, достойным кавалером, могла заворожить одиноким взглядом нежно-голубого океана лишь посмотрев в глаза любовника она охватывала его душу и проникала в глубины сердца, зажигая огни изумрудными сияниями полуночной страсти. Но настолько меркантильны суженые, что порой влюбленность угасает, не успев как следует опробовать пламя на вкус. Почувствовав, что пульсация тени леденеет, оставляет после себя пропасть, девушка не находила чары околдованного принца, уставая от неувядаемой тайны, будто любить вечно, можно лишь то, что ни принадлежит нам. Загнанные мысли осушают тело, и помогают прийти до могилы в юном возрасте, когда цветок начинает жить иной жизнью, когда дождь смывает последнюю печаль с груди, а любовь постигает крах, отвергая музыку страсти и нежных слов.

– Вы явно удивитесь, дорогая Элеонора, узнав, что моя покойная супруга прожила всю жизнь в глубоком отчаянии, не забыв своего прошлого, обретая пустоту и увядание, что тоскливо поджидает нас всех. Она ни ходила в церковь, не имела ни малейшего желания отречься от одиночества и постоянно думала, что красота настолько смертельна, что убивает любовь. «Смерть прекрасное чувство» – говорила она, когда отверженность ввергала ее самовлюбленный припадок быть любимой, обладать нежностью возлюбленного, и чувствовать мелодичность ангельского голоса, поющего, сквозь мрачные тени полумглистых туч. *«Могила- единственное завершение пустой жизни, выход из роли»*. Бездыханная, безжизненная, с красивым и обнаженным мраком внутри, она боролась с демонами в недрах души. Опустошая остекленевшую картину, что написана на полотнах ее судьбы.

Безликая трагедия, обернувшаяся полным отчаянием, изнутри закрученная пустота. Она чувствовала, что любовь отвергает красоту, умирая в стенах замкнутого недоверия, словно маятник воодушевления потухая, зажигалась вновь, но при скорбное отношение к ней – затянутые петли жизни. «Злосчастие века и потерянная молодость так и оставили меня сплетать мысли в одиночестве». Натура утешать, и при этом быть элегантной, воспитанной, способствовали тому, что женщина в трудные минуты чьей-то жизни, способна повернуть русло багряных рек, изнывая от собственной очаровательной манеры быть необходимой. Бездушная судьба наделила молодую красавицу чувством вины перед тем, что отраженная судьба в сердцах юности, скорбью омывает плачь, слезами орошая пустые дни увядания. *«Любовь на небесах, на земле- всего лишь затянутая петля, давящая на грудь влюбленному»* – писала она, захватывая холодный, скорбный поток грусти в своих объятиях, глубоко проникая в душевную гладь сладострастия мрачной мелодии о смерти, в сердцах возлюбленной, сверкающими молниями над небом Лондона, грустью оплакивая одинокую любовь.

Время, увядает, как и гибнет молодость, но непостижимое чувство так и остается тайной. Никто не в силах умертвить великую любовь заледенелыми осколками лунной башни, и бросать надежды испепеленного чувства, возвышенного, меж райским садом и Аидовыми пещерами, лишь ради того, чтобы погибнуть, так и не познав мгновенной жизни. Умереть, так и не познав вечного блаженства любви.

Ни смотря ни на что, я имею честь считать, что среди ценителей искусства ей не было равных, в глубочайшем погружении в мир творческого идеала. Она разбиралась во всем многообразии искусства; в тончайших модах французской интеллигенции, как и подобает девушке с глубочайшими познаниями любила музыку, картины и скульптуры. Светские балы, на которых так часто можно было наблюдать ее хрупкое и тонкое тело, очаровательную походку и бескомпромиссно белоснежную улыбку, которой она одаряла всех присутствующих. Она любила читать французскую классику, в одиночестве посещая всю себя литературе на родном языке; старинные рукописи на английском, в совершенстве знала испанский и немецкий, владела итальянским, греческим и латынью – «Она истинная француженка». И как подобаемо особам французского контингента – бережной интеллигенции, любила удивлять напыщенных англичан, в те моменты, когда требовалась женская изящность, ласка, желание быть столь желанной; которыми, как мы осведомлены, присуще исключительно женщинам. Тонкость ума и красноречие. Глубинные познание истории, консервативные взгляды – безумная красота изысканной мысли. Невероятная начитанность, идеальная манера слога, и несказанная поэтичность тонкого, пунктуального голоса. Утончённая одежда, и молодость, очаровательная, лирическая молодость, вносящая в особенность женственности, художественную поэтичность.

Простите, я не по годам влюблен. Настолько же сентиментально и наивно, как могло показаться довольно многообразному контингенту, рассуждающих о многоликой тоске, запивая мелодичную грусть полусладкими винами. Слишком старомоден. Именно поэтому я каждый раз скрывал пылкость сладострастия, именно тогда, когда вы ласкающим взглядом манили приоткрыть таинственную холодность, уютную подле нас, недоверчиво осматриваясь по сторонам, затихших улочек Лондона.

Скромность этой девушки, не побоюсь ни умолчать – заслуга таинственности, скрытности, вульгарных изощрений и скорбящих призраков между робеющими сердцами безликих любовников.

Когда мне исполнилось 34 года я соприкасался с одиночеством играя в бильярд по выходным, исключая важные встречи с друзьями, отправляя письма с отказами на приезд на бал, в том числе полностью посветил себя книгам в библиотеке, в которой мы так часто проводим своё время меж краугольными символами знаний. Книги, которыми владеет наша семья богаты фолиантами со всех концов света; гримуары, библии, рукописи старинных книг, мемуары, весьма редкие в своем роде инкунабулы, первые издания Шекспира, Гёте, Данте, старонемецкая литература, что богата своими изысками, ветхие рукописи на Латыни, многообразие различных картографий, угнетающие пьесы, бархатные мелодии поэтической виолончели и затуманенные философские рассуждения, ежедневно окутывали романтическими страстями мертвенно-бледной души. По ночам я лавировал, сквозь фабульные знания магических строф, покрытых таинственностью, старинных мыслей. Лишь на мгновение изувечивая боль от заблудшего мира, я крайне неловко всматривался в лунное обаяние сияющих созерцаний, пристально блуждая насквозь пропитанной темнотой библиотеки, под лунным светом изучал основы мироздания. Темнота

внутри зажигала пламенные осколки одиночества, возвышая влюбленную натуру к эстетике прекрасного, что таило в себе стихи великих поэтов давно минувших столетий. Крайне редко я мог искушать боль одинокими мечтаниями, давно минувших воспоминаний, режущих плоть, обжигая холодную тень.

Мне пришло письмо от француженки, гордостью которой стало бьющееся сердце внутри горячего нрава. Она жила на Ковент-Гарден, что в восточной части Вест-Энда между Сент-Мартинс и Друдри-лейн. В нем леди Элен-Мари Фурнье просила меня приехать к ней в Лондон, в надежде провести последние увядающие годы, сохранившиеся только в памяти. Мы были знакомы с того момента, как в 1897 году королева Виктория отпраздновала свой бриллиантовый юбилей – *sixty years of the reign*. «Никто так не пользовался почетом и уважением, как Королева Виктория», – писала она, находясь в мрачной, но глубинной Шотландии в последние годы своей жизни перед тем, как уехать в Лондон.

Недолго думая, в порывах обезумевшего возлюбленного, я принял решение бросить монотонную иллюзию одиночества, свергнув обломки очернённой души, влюбленности, зачарованной обольщением, красотой в юной девушке. До сих пор помню её первое письмо, мне в Норфолк, когда от рассказа местных жителей о призраке обезглавленной супруге Генриха VIII, Анны Болей у меня холодело тело и бросало в дрожь, что послужило причиной моего скорого увлечения ледяным вином. «Бедный молодой гарсон», – говорил мне чересчур скромный владелец поместья, которого я приобщил к нормам морали из-за того, что скупой мещанин отказывался называть рецепт такого сладкого, вкусного вина, что сколько бы вы не пьянели, вы все равно находитесь во власти своего рассудка. – Ледяное вино сэра, довольно редкий имеет вкус. Его тонкая сладкая грань, что усиливает желание вкусовых рецепторов вкушать мелодии райского сада извечно уводит господ от сумеречного покоя, отдавая сладкогласием виноградной лозы; струны арфа ангельским пением воодушевляют сердце покрывая ледяными скульптурами из холодных звёзд тело, согревая душу музыкальными отговорками жителей небесного царства. «Как же не влюбиться», – повторял я, когда ледяная прохлада дуновением обжигала разум.

Неизвестная дама доставила мне ответ из Лондона, что покорило моё холодное сердце, и остепенило мрак внутри моего тела, флюидами. Незнакомка прошла ко мне в покои, словно химера по обожжённому стеклу, и пока я нежно видел сновидения, оставила письмо на столе, где помимо Мальтийского еврея и Замка Отранто находились бессвязная стопка фальшивых стихов неизвестных авторов, что иной раз с полным хладнокровием окутывает беспомысленность и болезнь века серой, тернистой тоской.

Утром ноябрьского снега не было, и я проснулся от томления и боли, что так и испытываю по сей день. Зачарованный мир подарил мне очередное прекрасное настроение, ведь в скором времени я был бы вынужден покинуть Норфолк, прежде чем остановиться в Рочестере, расположенном в графстве Кент. Энтузиазм или скорее всего простое, но двуликое воодушевление, что так присуще, когда мы получаем желанное, одушевляет на столько неопределимо, что невообразимо и представить моё состояние. Я крайне удивлён, что могу рассчитывать на вашу признательность, дорогая моя, нет вы не подумайте, я всегда в глубине души это знал, скупая ментальность чувств, что бросает в дрожь лишь я начинаю любоваться вами, цветущей, жизнерадостной, на этом полуживом, безликом портрете.

– Моя дорогая, вы, наверное, помните моменты, когда мы посетили этот приморский город. Вы так же должны припоминать о многокрылой судьбе, что связала нас, так умерщвлено, как не связывает нить время, отведенное нам, на краю муче-

ний. Зачастую Рочестер омрачал мои мысли, и в памяти воцаряются исторические ценности и архитектурная бесконечность Английской утонченности, аристократичности, элегантности, и изысканность навевают простолюдину неудержимую страсть и комильфотность, околдовав необыкновенной художественностью, и живописностью. – «Англия, мой друг, это страна, где сказка творится наяву». – однажды шёпотом пропели вы. – Я промолчал. За что виню себя по сей день. Могли бы мы вообразить, что судьба переплетает сердца, поэтичными строфами мелодичного голоса, сладкозвучиями которых я впитывал художественность очертаний, пленительной Англии, и обворожительной девушки, соприкасаясь с живописными идеалами вечности.

По мимо замка, что стоит на восточном берегу реки Медуэй, в Рочестере находится Собор Христа и Девы Марии. Готическая основа и Норманнский стиль придают безумные отголоски страха и мрачного великолетия, блуждающих призраков и роскошь архаичных теней; Смертные крылья, витающие на месте, где когда-то сам господь бог превознёс заколдованное веками время, оно не властно над окрыленной эпохой. «Словно небесный творец изящно обворожил зачарованные фасады». А что в Англии не красота – то чарующее богатство времени.

Я долго не мог взять и открыть запечатанный конверт. Страх перед тем, что когда-то называли бесконечностью внушал мне то, что любовь отравлена. Переживал за моральное действующее лицо, то есть за себя. Ведь как вы прекрасно знаете, и о чём так хорошо осведомлены, так это о моей проницательности. Я глупый и наивный поклонник женского обаяния. Но сейчас прошло уж столько лет, что глупо писать о том, как нелегка моя душераздирающая, испуганная, рвущаяся наружу тоска. И ваша проникновенность, оставляя меня за гранью сумасшествия. Вы не приуменьшили ничего, даже превалировать ни стали о том, как хорошо я воспитан, довольно-таки обыденный и нескончаемо замкнутый, но умеющий тонко любить нежные, стихотворные пейзажи души. Бесконечно обоготворяющие проведенное время, держа вашу ручку, тонкую и нежную, теряю ясность сознания, лишь взглянув в ваши глаза обожествляю океаны лазурного берега. Больше всего боялся, что вы напишите, что *я вам больше не нужен и Вы навечно охладели ко мне*, испуская последнюю скорбящую душу на ваших любовников. И дрожащими руками переминал письмо пока ночь не открыла мне тайну одиночества. Сумерки спустились с небес, словно броккенский призрак, отражая сияние моих слёз, и я удосужился открыть и прочесть заснеженные, волнующие мою брентную душу метафоры.

Прекрасное умение англичан писать остекленело на французах; заживо омертвлённые послания, намекающие на глубочайшую боль и не менее углубленную нравственность – это кладоискатель потерянного рая, оставленный ценителям раннего каллиграфического почерка готического письма. Своеобразие *lettre française** подобно рыцарскому роману, о вечной тайне любви, порошенными цветами могильные тропы, к той, чья обольстительная душа девственно молит о сладостных мгновениях влюбленной звёзды, морскими глубинами сладкозвучного шума тихой волны, плавно качая коралловых медуз по водной глади океана.

Ваш покорный слуга не заметил, как прошёл день, и что мой паж откровенно переживал за мое молчание, как будто меня умертвили, схоронив под ивами, наполнив мое тело обугленными стихами Бернса, Байрона, Мильтона, Голдсмита, сжигая их при мне... Вновь перечитал ваше творение. Вы прозаик: *«Романтика в глубинах сердца»*, – так вы подчеркнули пение серафимов в царстве Аидовом. «Чистосердечные помыслы английской литературы сквозь тончайшую скорбь, витающих сострадания, между огнецветными закатами, что приносят милосердию улыбку

на изнуренном, уставшем лице поэтической природы, изувеченной от переутомления ослабленных мгновений натянутой судьбы». Как мне быть, когда мы соприкоснёмся взглядом? Мягкосердечные скрижали помутнили мой разум, я ослеп, обескровлен, лишь дуновение ветра под серебряные звуки слёз, витающих мелодий нашептывали мне о том, что никто кроме тебя мне не говорил о восхвалении небесной красоты поэтическими строфами, обжигая свитки священнослужителей, страдающих от неизлечимой боли святоотрасти, пучинной стрелы Купидона.

– Сэр, Томас Рэдклифф», – произнёс паж, удрученно смотря мне в глаза. Я вынужден настоять на том, чтобы вы поужинали сэр, – проговорил он. Вы не ели с самого утра. Меня начинает беспокоить ваше состояние, ведь вы никогда прежде не были настолько молчаливым, как сейчас. Вы то и делаете, что читаете, да молчите, – испуганно выдавив из себя эти слова, паж откровенно дал понять, что, блуждая в потемках содержания можно отчаянно сойти с ума и отречься от многих лиц.

– Прости, Жан-Люсьен, мне надо побыть одному, – проговорил я.

– Сэр, – я вынужден простить вас под давлением того, что меня угнетает не только совесть, но и очень сильно грызёт тоска. Вы взяли меня на обучение. Дали слово моему честному отцу, вашему другу. Я хочу отплатить вам за столь щедрую помощь, оказанную моей семье. «Мы в нелегком положении, отец разорён на столько, на сколько может быть разорён чистосердечный человек, не укравший ни единого фартига», – произнёс паж, пристально посмотрев на догорающие угли в камине. Я готов на всё, чтобы отдать свою жизнь за то, чтобы родительский дом жил, процветал, и всегда благоприятно содержался, в чистоте, добропорядочными людьми, помогающими моему отцу в его непростых делах, в чертогах пустоши Английских земель. Вы благородный человек с добрым сердцем, сэр Рэдклифф, я долгое время служу вам, и настолько же уверен в вашей чести, в вашей добропорядочности, насколько же мой отец верит в мою чистосердечность и искренность, перед ликами судьбы. Я был воспитан в благородной семье, и на сколько, насколько же и вы осведомлен о моём покровительстве, о мягкосердечных услугах, воспитанных на сострадании и милосердии.

– Я видно слишком эмоциональный, что ваше сладкоголосье, молодой человек, перебило тяготу мрачных дум. Вы безусловно правы, я действительно вас понимаю, – с минуту стоял отстраненным от всего, даже фундаментальный мир меня не интересовал так, как я погрузился в мечтания, ах этот сладкий голос свободного творения мысли. Но удручен я тем, что вновь покорился даме, который раз моё сердце зажглось ярким пламенем.

В прискорбном состоянии паж остался в комнате, наблюдая за тем, чтобы я все же поел. Не смотрю ли я на доброго человека, помогающего мне, и иногда подчеркивающего мою природу, моральную оболочку? На человека, который стал мне другом за время, проведенное в заточении собственных мыслей? Я хотел открыть кому-нибудь душу, раскрыть утаившуюся грусть погруженных затмений наивного художника. Меня влекла мечта – блаженная любовь, отсекающая крылья мелодичной влюблённости, божественными ликами, преклоняясь перед алыми рассветами. Темно-коралловый закат, обвенчанный Рафаэливыми крыльями бархатных переплетений сладострастия, исцелял прикосновением женственной кожи, девственно-ласкательных рук. Я мечтал о возвышенной любви, вдохнув ароматный бриз свежего, морского воздуха, положив на грудь лишь её письмо, прочувствовав сладость искушений, в надежде на то, что она стала частью пронизывающей души сладкозвучных грёз.

Даже в таких замкнутых одеяниях, как любовь он находил искренность и честность, что я ценю большего всего на свете. «Aeternus amor – aeterna morte» *. Ядовитая исповедь опустошенного человека, ещё столь юного, за исключением того, что время не щадит никого, ибо и даже смерть, рано или поздно вознесет на алтарь обнаженный, призрачный лик девственной любви, неестественными пороками, умертвив телесный облик человеческого сострадания.

Не знаю сколько ещё часов мне пришлось перечитывать гротескную мечту, и завуалированность грустной повседневности, но на следующий день я решил сообщить, что, не смотря на зимнюю сказку за окнами, я желаю видеть её глаза и ощущать нежную кожу своей рукой; – «если вы обещаете дождаться меня, то я в скором времени буду у ворот вашего поместья. Буду ждать олицетворения ангела на земле покровителя Святого Георгия. Молить бога напевая псалмы, не более и ни менее, как обычный влюбленный, который очень хочет бороться за право взглянуть на вас, как подобает рыцарю этого серого века „...“ И внезапная страсть, возникшая после долгих лет – это тягостная мука, томящаяся внутри.» Я многое утаил, дорогой читатель, чтобы вы не подумали, что я сумасшедший, глупый и наивный влюбленный, которому не подобает скрывать своих чувств к даме, ибо влюбленность есть тягостные муки скорбящей, преданностью которой я был отвергнут, омертвлён, лишь познав правдивость ложных побуждений наивысших чувств. И более того я лишён хоть какого-то дара красноречия, всему виной английская тоска, простите. Я закончил письмо, стихотворением моего детства, ведь должно же быть что-то по истине прекраснее, чем грустный дождь в сердце влюбленного, таящий в себе мантию резких воспоминаний. И если мир так жесток ко мне, то пусть он будет напоминать вам, что среди адского мучения, есть чудесные цветы, которые хранят воспоминания прекрасного:

*Любимая! меж всех уныний,
Что вокруг меня собирает Рок
(О, грустный путь, что средь полыни
Вовек не расцветёт цветок),
Я всё ж душой не одинок:
Мысль о тебе творит в пустыне,
Эдем, в котором мир – глубок.
Так! Память о тебе – и в горе
Как некий остров меж зыбей,
Волшебный остров в бурном море,
В пучине той, что на просторе
Бушуют волны всех сильней, —
Всё ж небо с благостью, во взоре
На остров льёт поток лучей.
(Эдгар Алан По)*

II

В ночной тьме, рассуждая о красотах мира, моё сердце сладкозвучно лавировало стихами сквозь мрак, напевая мелодичную песнь о влюбленных небожителях в эфире из блаженства, бесподобность которых не сравнится с влюбленностью чарующих забвений, но моя любовь очаровывала крылами огнецвета пылающих в нежно-голубых глаз.

Я родился в Карлайке, что на границе между Англией и Шотландией, и благородно воспою этот неземной край, где был рождён мрачный силуэт, вводящий в забвение искушенную публику. Воспитан в этих омраченных местах. Моё тоскливое, мертвое детство проходило здесь, неподалеку от мест, где архиепископ «*Gavin Dunbar*» проклял город, после отъезда Папы Римского, и назвал его самым беспорядочным и незаконным воплощением ада на земле. И до сих пор отголоски легенды *о проклятии на староанглийском языке* ходит по трактирам, пугая народ более новыми и новыми подробностями. Передавая из поколения в поколение, побуждая поборников ревностно отстаивать правдоподобность истории маленького городка. Эту легенду мне удалось услышать в Лондоне от одно странствующего монаха, который исповедовал викторианскую мораль, прививая путников разговорами о целеустремленности, нравственности и низвержении голоса господня. Как мне поведал монах: в его семье царил патриархальный порядок, вне всяких сомнений послужившему в его воспитании главным проповедником – «привитые мне чувства долга и трудолюбия, любви к Англии и королеве Виктории хватило на то, чтобы скитаться по британскому острову в поисках пищи и жилья; на то я мученик господний, его вечный слуга. И жизнь данная мне господом исцелит грешные мысли мои. Мы все странники на этой земле. Паломники и пилигримы. Мы все ищем свою истину в жизни, но ни каждый может её узреть», – говорил он. Порой время от времени я получал в Лондоне письма от старых друзей, и кто-то из джентльменов упоминал, что старый монах нашёл свою могилу, уснув вечным сном, представ перед божьим ликом в одеяниях великомученика.

Я никогда не проводил вечера в раздумьях. Я никогда не смотрел на небеса с такой тонкостью ледяных колыбель, забывая о том, что скоро настанет момент, и я застыну перед идеалом, остепенюсь перед красотой необычайно-ласкающего взгляда, дамы, моего покоренного сердца. Её красота – это вечное сплетение ледяного пламени, мерцающих, холодных звёзд, отражающих одиночество, томление обезумевших книг, незамысловатые аргументы вне иных вселенных, заточенных в кружевах Небесного Ангела. Облик невинной, девственной души притягательного языка, неподвластный ни лирическим поэтам, ни мыслителям прошлого, словно лепестки лилии белоснежно улыбаются полуденному солнцу в зимнем саду. Я отдал бы всё ради того, чтобы обрести вечный покой влюбленных глаз, и если бы судьба соблаговолила, то невероятно-обезумевшей прытью прожил был полумертвую жизнь, лишь бы утонуть в лабиринте сновидений. С моей единственной и вечной любовью. Никогда не испытывал такого влечения, всегда предпочитал одиночество. Во всяком случае дорожил временем, которое за долгие годы было нравственно отдано службе её величеству, в Англии, чтобы просто-напросто побыть в уединении со своими мыслями, далеко от мрачности военных действий.

– Сэр, – повозка готова, кони запряжены и готовы к дальнейшей дороге, – сказал кучер, отвернувшись посмотреть сколько снега выпало за последнюю ночь.

– Хорошо, – ответил я.

Рассматривая пейзаж, углубляясь в светлые тени старого города, в мою душу навеяла мысль о том, что, как знать, может я больше не вернусь сюда, ведь кто знает приведет ли меня дорога сюда ещё хоть раз...

В мое кратковременное детство, не отпускающее меня из воспоминаний, в котором я рос в обыкновенной семье, что не позволяла мне учиться в престижных закрытых школах для мальчиков. После долгих лет зачарованной жизни, мне, как и любому юноше хотелось что-то особенное, то что было бы обезумленным, сверхъестественным, поэтому вопреки родительскому слову выдать меня в медицинский колледж, я выбрал фантом душевных бальзамов, развивающихся по осколкам пергамента, и поступил в художественный колледж, настолько же всеобъемлющего характера, настолько и омрачающего мой ум, заключая в себе художественность поэзии лирических портретов. И лишь однажды мои родители написали мне небольшое письмо, в котором было отчётливо видна скорбная нота отчаяния:

«Дорогой Томас, ты единственный наш сын, потерявший веру в божественные небеса...»

С силой рока возлюбив тебя младенцем, мы питали твою душу любовью, заботой, даруя всё-то, что могли тебе дать. Ты, выбрав собственную дорогу, осквернено простился с нами в мучения тщеславия, и таланта, из-под божьей святыни – колыбель с ледяными созвездиями, желание быть прощенным господом, ниспадишим тебе Ангела-хранителя, бережливого, и робкого. Твой талант – рука Господа, но мастерская кисть принадлежит тебе, тебе, мой юный мальчик, с пламенной душой, и чистосердечием; Я люблю тебя, взамен лишь молю, приклонись на моей могиле, когда крылья демонов – человека, вновь придадут существующие крики природы, церковнослужителей и поборников, ибо вышеизложенное есть божественная сила в твоих картинах, низложив мистическую скрижаль, иррациональным мышлением, с самого детства. Ночь замирает в тишине одурманенной легенды». Только тогда я ощутил некую возложенную на меня силу, что преследовала перламутровыми рассветами, в отчаянии насущного дня.

Пока кучер остановился, чтобы посмотреть все ли в порядке с дорогой, я вновь погрузился в свои мысли о том, что же ждёт меня там, где юная любовь пылает, как алый закат. *Je suis prêt à mourir pour l'amour, pour que tu sois heureuse et que tu aimes combien je t'aime*, – Сумерки независимо вились над моей заблудшей тоской. Я шёл и мечтал, шёл и тосковал, любил и корил за верность, и судьбу. Истощенно-мелькавшего силуэта жизни. – *Un nouveau roman pourrait-il nous relier un jour? Pour toujours garder en mémoire les moments timides de passion qui nous ont attirés? Amor est incessus mihi rabidus*, – я безумец.

Готические арки, узкие колонны и стрельчатые витражи окон. Особенная игра света и тени. Мерцающие холодные звезды, и блуждающие краски таинственной и мрачной архитектуры, держащие душу в оцепенении, приковывая глаза к истинно-мрачной красоте тех мыслей, которые внушают нам образ необыкновенного, того чьему взору невиден лик смерти, *и посему воля сильнее, чем ангел, выкованный в одиночестве, в облике тени, отрёкшийся от злодеяний бога*. Я шёл вдоль густого темного леса, что манил мой разум, играя воспоминаниями, тревожа память сумрачными оттенками вечности, освобождая самоцветные грёзы внутри цветущим бальзамами, безумного влюбленного, чья любовь питалась полумглистыми сводами пепельного каштана, довольно редкого вида, прорастающего в английских чертогах.

Осознавая, что к вечеру завтрашнего дня буду у той, чей облик обворожил околдованными чертами живописного лица, нескончаемым потоком женской души, ощутив дуновение приятных ароматов эфирного бальзама, подле облика нежно-

ласкающих слух стихотворений, написанных девичьей рукой на неземном языке. Несколько раз я смотрел на небо – оно чудесно. Озарено звёздами. Всё небо покрыто яркими огнями, тающими на руках людей в дали увидевших блуждающие огоньки, что так часто находят в созвездиях свой приют, из ледяного дома и лунного отражения красных масок блаженной смерти. Англия – полна сказок. Легенды насыщают глаза яркими блесками, и многокрылый серафим спускается к ребенку, укутывая малыша в мягкий, сказочный сон.

– Когда-то, – в полутьме, раздался голос, что немного испугал меня, когда-то я тоже так, стремительно помчался за душераздирающим пламенем в сердце – адским огнем внутри, что высекает мелодичный, ласкающий слух бархата, сладко-сердечного образа, лика возлюбленной. Смотря на те самые звёзды, на которые смотрите вы, мистер Рэдклифф. Это было сказочное время. Но любовь, что влекла меня угасла: покуда я сам узник призрачного пения луны. ««И лишь молвит заветный голос ангела, что влечет мою любовь, я вознесу влюбленную звезду» – узнаете, поэтическую строфу, спросил он. – узнаете лирическую гамму, влекущую за собой нежность, к возлюбленной. «Отыскав венец судьбы у подножья скал – сладкозвучных слёз, я влюбленность пронесу, через пропасть мрачных грёз» – эти утонченные стихи, молодого поэта, скорбью прошли сквозь поэтическую гамму окровавленных крыльев, но юный возлюбленный, сам не догадывается, что же ждёт его душу; легкосердечность, и маловидное личико, когда откроется таинственная мгла послевкусия, перед ночным дождём, и раскатами грома, в смертельной схватке с самой смертью, на обреченном, легкомысленном тщеславии возлюбленной, но темнота художника лишь изобилие страсти, сколь помыслы ваши чисты, столь надменна кровь, застывшая на мольберте вечности, – произнёс голос, незнакомца. Мы ещё встретимся с вами добрый друг, но вы не узнаете меня. Вы не узнаете меня, но прислушаетесь к зову сердца. Увы лишь оно зорко перед чувствами смерти. И лишь оно способно наградить мрачную душу – любовью, что пронесётся через кукольный смех на картинах омертвленной души.

Да, моя дорогая Элеонора, повесть о той, чьё имя я до сих пор скрываю, несёт в себе много тайн и загадок, но я хочу быть честен с вами, о сердце от сердца той, кого я по истине любил; в зимнем саду, где есть всё чтобы отвлечься от шума адского крика, что невыносимо меня терзает, что губит меня пленяя губами цвета крови, напоминая о том, что когда-то здесь мы проводили самые счастливые времена, до тех пор, пока в одну ночь на этом месте произошло самоубийство. Это было в те времена, когда вы были склоны посещать Французский карнавал, и не могли радовать нас своей очаровательной улыбкой. Однако, вы вольны знать о многокрылых изгибах, силуэтного блеска, хранимые в самом сердце глубинных сокровищ, кораллового жемчуга, с ласкающим прозрачные волны морских огней.

Мои стихи, обогрели плоть от плоти, страстно-таинственной девушки, печалью мертвых ветров, существовавшего мгновения, снизошедшего с Небес, изничтожив бархатные слёзы, переполненных кровью, багряных оттенков, того, что навечно отрекается от чёрных призраков, покрытых вуалью, ласкающими нежный взгляд, словно Сирена, обвораживая поэзию мистическим великолепием. Художественность страстно влюбляла в себя, а рожденные строфы о лирических героях Афин, побудили поэтов ласкать души мёртвых, своенравно заманивая ветхие струны лиры, своевольным касанием мелодичных стихов. «О, музы сверкающих молний, я обожен мечтаньями слёз, о любовных трагедиях, о драме, разбивающих грёзы о камень».

Это было в 1884, когда сэр Уильям Броуншвейг посетил старинный дом родственницы вашей матери. Я долго думал, как преподнести эту историю, ведь она влияет на многое, о чём перед смертью просила она вам поведать. И я повиновался, я не мог иначе. Старинный род вашей матери начинается ещё с процветания династии Стюартов. Она редко, когда упоминала о родословной, лишь в какие-то чересчур необычные моменты, когда наступает рассвет, или в цветочном саду оживают розы, тюльпаны, пионы, что так сильно она любила. Она бесконечно гордилась своим садом, тщательно следя за ним, ведь цветы для нее – это мечта, она словно дитя радовалась каждому дню, рядом с теми, кто её любит. Женщина с ангельскими чертами и добрым детским сердцем, что наполняло её независимостью перед обстоятельствами. В ночь, когда после очередного приглашения на котильон, сэр Уильям Броуншвейг, вышел на балкон чтобы перевести дух, от суетливого и роскошного балла, что стало причиной его недомогания, в последствии, о которых писал в покойной записке, сэр Броуншвейг, что так сильно отразилось на дальнейшей судьбе этого сада. Известно ли мне, что так сильно омертвело в его мыслях? Здесь я покинут, как и многие. Абсолютно растерян и обескровлен. Долина теней окружающая его ум и тело унесли его из этого мира, как человека безумно любящего военную дисциплину. Сэр Броуншвейг, известен своими подвигами на многих полях сражений в том числе при обороне Роркс-Дрифт (1879), тогда под командованием Гонвилла Бромхеда, оборонительный гарнизон англичан выстоял в битве за брод Рорк, что повлекло к вознаграждению самой почетной боевой наградой Великобритании – Крестом Виктории, на тот момент лейтенант Броуншвейг удостоился благодарности обеих палат английского парламента, и был произведен в Майоры (1881), минуя звание Капитана. Как я уже писал, подле себя он оставил письмо, что теперь лежит у меня в сундуке, под старыми книгами. Излишне будет добавить, о том, что мне довелось его прочитать один раз, и как оно попало ко мне попусту неизвестно. Но кое-что я все-таки помню. И с вашего позволения о загадочных обстоятельствах попытаюсь рассказать, пренебрегая тем, что мгла осела на Лондон и в скором времени начнется гроза, что с нетерпением освежит городские улицы прекрасного города:

– Призрачная тоска веет на меня прохладой, – писал он, демоны, что снизошли из преисподни зовут меня. Я сам не знаю, что так тревожит мое тело, может полная усталость от мира, с его серостью и жестокостью, а может влечение, о котором только могильные плиты расскажут нам всем, когда земля покроется мертвыми. Свежий воздух и спокойная ночь даровали мне утешение. Тишина что порою так нужна – заведомо скрыта от многих глаз, в надеждах, что, сгорая в пепельной ночи можно узреть мглистую тень фосфоресцирующего света. Призрачная долина, что скрывается там, на островах Южной Африке, где ваш покорный друг бился, защищая честь и святость родной земли- Англии преследует меня и по сей день. Я не могу больше смотреть сновидения о зверских пытках зулусов. Крики искромсанных тел британцев и невыносимая боль внутри, тянет меня к смерти. Я не герой, как привыкли думать многие мои друзья и знакомые. Я очень скромный. Вы знаете, дорогой Томас, надеюсь после нашей долгой дружбы вы обретете то, что всегда хотели найти. Пусть алтарь сердец наградит вас любовью.

После долгой паузы, что затянулась из-за резкого порыва ветра и сильнейшего дождя, что в Лондоне не так часто мне приходилось видеть, я налил чаю, и продолжил писать о том, что же произошло с моим другом в зимнем саду:

У меня есть ружьё, Фергюсон, что было подарено моему отцу им самим; он чудесный человек. Был офицером в Британской армии. Участвовал в Американской револю-

ции вместе с моим отцом. Я сам чуть не пал на полях сражения. Мне не знакомо чувство страха, дорогой мой, ведь подданный ее величества всегда храбра сражаются за Великую Британию... Я, люблю Англию, как собственного сына, рожденного в агонии, грехоподобной судьбы.

Вам известно, что я не так влюблен в поэзию, как вы, но соблаговолите, вспомнить лирическую меланхолию, наполненную смертными изречениями, и духом затмения, сотканных из сердечного представления мертвенно-кровавых силуэтов, по сей день блуждающих в лучах отраженного океана, под сводами стекающей луны, переливаясь с гладью простора.

*Наше море кормили мы тысячи лет
И поныне кормим собой,
Хоть любая волна давно солона
И солон морской прибой:
Кровь англичан пьет океан
Веками – и все не съят.
Если жизнью надо платить за власть —
Господи, счет покрыт!*

(Рядьярд Киплинг)

Простите меня, за мою нескромность, но те очертания, что вы нарисовали покрывило мое сердце не меньше вашего!

Какой талант. Изящные отблеск теней, оттеночный взор силуэта, покрытая тонкой, нежной гаммой света, с ломтиками прозрачной Элегии, но не ищите света в моих изречениях, мой друг, не ищите сердце мое боле: сожрано оно людьми. Бесчувственными женщинами; чистосердечное жертвоприношение корыстолюбцев, плененных гнетом мрачных скорбей, вымощена на осколках могильных плит, изгоями, что, покорившись девственной душе, воочию наблюдали, как замогильный холод чистого облика, нежного, мягкосердечного лица юноши, полюбившего мимолётную тень, встревоженного гнетом острых костей, рвущих идеал, обличаемого сердца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.